

АДАМ МУСТАМИ

ЛАДЬЯ

НА

ЧЕРНОМ

ПОЛЕ

"Война — это когда за интересы других гибнут совершенно безвинные люди."

Уинстон Черчилль

Адам Мустами

Ладья на черном поле

<https://litres.ru/74054856>

SelfPub; 2026

Аннотация

1934 год. Британский разведчик русского происхождения Майкл Адамс и его друг, польский еврей Айзек Мидельман, получают задание внедриться в ряды СС. Их цель — раскрыть секреты «Аненербе», оккультного проекта Третьего Рейха. Но то, что они обнаруживают в замке Вевельсбург, оказывается страшнее любых догадок: нацисты разрабатывают оружие, способное парализовать волю целых народов. Теперь Майклу и Айзеку предстоит сыграть самую опасную партию в своей жизни. Партию, в которой на кону судьба мира, а цена хода — жизнь.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Адам Мустами

Ладья на черном поле

Глава

Пролог

Лондон, конспиративная квартира МИ-6.

Ноябрь 1934 года. Поздний вечер.

Дождь барабанил по оконному переплёту с монотонностью метронома. В комнате с плотно задёрнутыми шторами горела единственная лампа под зелёным абажуром — свет падал только на стол, оставляя углы во тьме. Пахло табаком, мокрым сукном и одеколоном «Флорис», который предпочитал сэр Бэзил.

Сэр Бэзил не был аристократом. Он был кадровым разведчиком, прошедшим школу в Индии, где научился двум вещам: терпению и умению распознавать ложь по движению зрачка. Сейчас он сидел, положив руки на стол — сухие, с длинными пальцами пианиста — и смотрел на двух молодых людей перед собой.

Одного он знал три года. Второго видел впервые.

— Майкл, — произнёс сэр Бэзил, не повышая голоса. — Я просил вас прийти одного.

Мужчина, к которому он обращался, сидел на стуле, закинув ногу на ногу. Ему было двадцать девять. Тёмные волосы зачёсаны назад, серые глаза — спокойные, почти сонные. Одет в безупречный костюм с Сэвил-Роу, но сидел он в нём не так, как сидят денди: слишком собранно, слишком насторожённо. Так сидит человек, который в любую секунду готов вскочить.

— Я знаю, сэр, — ответил Майкл. Голос у него был негромкий, с едва уловимым акцентом — не русским, нет, скорее континентальным, размытым. — Но Айзек — часть операции. Без него я не иду.

Сэр Бэзил перевёл взгляд на второго.

Айзек Мидельман выглядел старше своих тридцати пяти. Небольшие залысины, лицо узкое, с тонкими чертами — такое лицо могло принадлежать кому угодно: немцу, поляку, швейцарцу. Природа и впрямь сыграла за него, стерев с внешности всё, что могло бы выдать происхождение. Только глаза — карие, глубоко посаженные — выдавали постоянную работу мысли. Он не курил, хотя пачка сигарет лежа-

ла перед ним. Он ждал.

— Айзек Мидельман, — произнёс сэр Бэзил, пробуя имя на вкус. — Польский еврей. Оксфорд, математика, потом право. Ваш отец — ювелир в Варшаве. Мать умерла в двадцать девятом. Сестра...

— Две сестры, — поправил Айзек. Голос его звучал ровно, но в уголке рта дёрнулась жилка. — И брат. Они всё ещё в Варшаве. Поэтому, сэр, я здесь.

Сэр Бэзил помолчал.

— Понимаю, — сказал он наконец. — Именно поэтому я и не хотел вас видеть. Эмоции — плохой советчик в нашей работе.

— Эмоции — единственное, что не даёт мне стать таким, как те, против кого я собираюсь работать, — ответил Айзек.

В комнате повисла тишина. Дождь за окном усилился.

Майкл чуть заметно улыбнулся — одной стороной рта. Он знал, что сэр Бэзил уже принял решение. Старый разведчик просто тянул время, чтобы проверить их выдержку.

— Хорошо, — сэр Бэзил открыл папку, лежавшую перед ним. — Тогда слушайте внимательно. Второго раза не будет.

Он достал фотографию. Замок на скале, окружённый лесом. Массивные стены, треугольная крыша, башня с часами.

— Замок Вевельсбург. Вестфалия. Сейчас там размещается школа для офицеров СС. Но это — официальная версия. На самом деле, — он вытащил второй снимок, — там создаётся структура под названием «Аненербе». В переводе — «Наследие предков».

— Оккультисты, — произнёс Майкл. — Я читал о них. Гиммлер и его свита верят в атлантов и руны.

— Верно. Но есть нюанс. — Сэр Бэзил постучал пальцем по фотографии. — «Аненербе» получает финансирование, сопоставимое с бюджетом армейской дивизии. Они закупают оборудование в Швейцарии, оптику — у «Цейсса», станки — у «Круппа». Это не спиритические сеансы. Это что-то другое.

Айзек наклонился вперёд, разглядывая снимки.

— Что именно?

— Мы не знаем, — признался сэр Бэзил. — У нас есть агентурная сеть в Берлине, но она редет. Гестапо работает методично. Два наших человека в отделе вооружений были раскрыты и арестованы в октябре. Связи с ними нет. Поэтому, — он закрыл папку и посмотрел на Майкла, — нам нужны новые люди. Люди, которые войдут внутрь.

Майкл молчал.

— Задача, — продолжил сэр Бэзил, — внедриться в структуры СС. Конкретно — в СД, службу безопасности. Получить доступ к документации «Аненербе». Выяснить, чем они занимаются на самом деле. Если это оружие — узнать, какое. Если это технология — выкрасть чертежи.

— Сроки? — спросил Майкл.

— Год на внедрение. Потом — по обстановке.

Айзек хмыкнул.

— Год. Всего лишь год на то, чтобы стать эсэсовцем, пройти проверку, войти в доверие, получить доступ к секретным документам и остаться в живых. Прекрасно. Звучит как план.

Сэр Бэзил не улыбнулся.

— Именно поэтому мне нужны лучшие. — Он посмотрел на Майкла. — Вы говорите по-немецки как немец. У вас славянская внешность, но это объяснимо. Вы знаете языки. Вы прошли подготовку у Форсайта по дедукции и у Кроули по гипнозу. И — поправьте меня, если я ошибаюсь — вы ненавидите нацистов.

— А нацисты ненавидят меня, — ответил Майкл. — Точнее, таких, как я. Недочеловеков со славянской кровью.

— Вот именно. В этом ваша сила. Вы знаете их лучше, чем они сами.

Сэр Бэзил повернулся к Айзеку.

— А вы, мистер Мидельман, будете работать под легендой фольксдойче из Данцига. Бывший банковский служащий, специалист по экономической разведке. Ваша задача — финансы. Отследить денежные потоки «Аненербе». Понять, на что идут средства.

— Бухгалтер, — усмехнулся Айзек. — Я всю жизнь мечтал стать бухгалтером СС.

— Мечты сбываются, — без тени улыбки ответил сэр Бэзил.

Они вышли на улицу только после полуночи.

Дождь кончился. Над Лондоном висело мутное, подсвеченное снизу небо — такое бывает только в ноябре. Они стояли на крыльце конспиративной квартиры, не решаясь разойтись.

Майкл закурил. Огонёк сигареты на секунду выхватил из тьмы его лицо — резкие черты, твёрдый подбородок, глаза, в которых отражался свет уличного фонаря.

— Ты можешь отказаться, — сказал он, не глядя на Айзека. — Это моя война. Не твоя.

Айзек усмехнулся. Усмешка вышла горькой.

— Ты правда так думаешь? — спросил он. — Моя семья в Варшаве. Мои соседи. Мои учителя. Там, — он кивнул куда-то на восток, — уже говорят о том, что евреи — это проблема, которую нужно решить. И знаешь, что? Они не шутят. Они не блефуют. Я читал их газеты, я слушал их речи. Так что нет, Майкл. Это не твоя война. Это наша война.

Майкл ничего не ответил. Он смотрел на тлеющий кончик сигареты.

— Отец говорил мне, — произнёс он наконец, — что революция — это кошмар, который начинается с красивых слов. Он видел это в Петрограде. Сначала — свобода, равенство, братство. Потом — подвалы ЧК. И вот теперь то же самое здесь, в Германии. Только другие слова.

— Поэтому мы и идём, — сказал Айзек. — Чтобы остановить это до того, как нас начнут убивать.

Они помолчали.

— Какая у меня будет легенда? — спросил Майкл.

Айзек достал из кармана сложенный лист бумаги.

— Гауптштурмфюрер СС Макс фон Адлер. Тридцать лет. Фольксдойче из Риги. Отец — остзейский немец, аптекарь. Мать — русская дворянка, умерла при родах. Семья бежала в Германию в девятнадцатом, во время наступления красных. Отец умер в двадцать пятом. Ты воспитывался в Данциге, потом поступил на юридический. В партии с тридцатого. В СС — с тридцать второго.

Майкл взял лист, пробежал глазами. Покачал головой.

— Аптекарь. Надо же.

— Чем скучнее легенда, тем она надёжнее, — пожал плечами Айзек. — Люди не любят сложных биографий. Сложные биографии вызывают вопросы.

— А ты?

— А я — Унтерштурмфюрер Курт Мейер. Тоже из Данцига. Тоже скучный до зубовного скрежета. Мы с тобой познакомились в тридцать первом, на съезде партии. Я был бухгалтером в местном отделении. Ты помог мне с бумагами. С тех пор — друзья.

— Друзья, — повторил Майкл. — Это опасно. Друзей проверяют.

— Поэтому мы должны быть идеальны, — ответил Айзек. — Ни одной ошибки. Ни одной нестыковки. Я проработал каждую дату, каждый адрес, каждую фамилию. Документы уже готовы. Там, — он указал на свой портфель, — всё. Паспорта, рекомендации, партийные билеты. Тебе остаётся только выучить это наизусть.

Майкл бросил окурок в лужу. Тот зашипел и погас.

— Когда выдвигаемся?

— Через две недели. Сначала — Берлин. Там нас должны «заметить». Потом — подача заявлений в СС. Потом — проверка. Если пройдем — распределение. И тогда начнется настоящая работа.

— Если пройдем, — повторил Майкл. — А если нет?

Айзек посмотрел на него долгим взглядом.

— Тогда нас расстреляют, — сказал он просто. — Или повесят. Или отправят в концлагерь, который они уже строят под Мюнхеном. Так что — пройдем. Другого варианта нет.

Майкл кивнул.

Где-то вдалеке пробили часы на Биг-Бене. Половина первого.

— Мне нужно заехать домой, — сказал Майкл. — Собрать вещи.

— Ты собираешься прощаться?

Майкл помедлил.

— Нет. Прощаться — плохая примета.

Он не добавил, что прощаться ему не с кем. Отец умер пять лет назад — сердце не выдержало после известия о том, что его брата, оставшегося в России, расстреляли по доносу. Мать ушла ещё раньше. Осталась только квартира в Блумсбери, книги на русском и фотография на каминной полке — они втроём, в Петербурге, за год до войны. Ему там шесть лет. Он не помнит того времени. Помнит только запах сирени в Летнем саду и голос матери, читающей на ночь Пушкина.

Теперь это всё — только пепел. И фотография, которую он возьмёт с собой.

— До завтра, — сказал он Айзеку.

— До завтра.

Они разошлись в разные стороны: Майкл — в сторону Кенсингтона, Айзек — к метро.

Ночь была холодной. Лондон спал, не зная, что двое его

приёмных сыновей уходят на войну, которой ещё нет.

Но она уже началась.

Для них она началась.

Конец пролога.

Глава 1. Ледяная корочка

Берлин встретил их морозом и дымом.

Поезд из Парижа прибыл на Анхальтский вокзал ровно в четырнадцать часов десять минут — с точностью, которой славились германские железные дороги. Когда паровоз с шипением выпустил пар, окутав платформу белым облаком, Майкл Адамс — теперь уже Макс фон Адлер — поправил воротник пальто и шагнул на перрон.

Он носил это имя уже две недели. Сначала оно ощущалось как чужая одежда — жала в плечах, натирала где-то на уровне сознания. Но к моменту, когда они пересекли границу у Страсбурга, новая кожа приросла. Теперь он был Максом фон Адлером, гауптштурмфюрером СС, фольксдойче из Риги. И каждое его движение, каждый взгляд должны были подтверждать это.

— Холодно, — произнёс за его спиной Айзек. — В Лондоне тоже холодно, но там холод мокрый. А здесь — сухой. Колючий.

Майкл обернулся. Айзек stood, держа в одной руке чемодан, другой поправляя шляпу. На нём было добротное серое пальто, купленное три дня назад в Париже, и новый галстук. Выглядел он именно так, как должен выглядеть мелкий служащий, прибывший искать счастья в столице Рейха — немного растерянно, но с достоинством.

— Привыкай, — сказал Майкл. — Здесь всё колючее.

Они двинулись к выходу. Вокзал гудел: военные в полевой форме, женщины с детьми, какие-то чиновники с портфелями. Всюду мелькали красные повязки со свастикой. На стене висел огромный плакат: «Ein Volk, ein Reich, ein Führer» — «Один народ, один Рейх, один фюрер». С плаката на прибывающих смотрело лицо Гитлера — жёсткое, фанатичное, с глазами, которые, казалось, следили за каждым.

Майкл заставил себя задержать взгляд на плакате. Не слишком долго — ровно столько, сколько нужно, чтобы изобразить почтительное узнавание. Потом перевёл глаза на указатели.

— Нам сюда, — сказал он, кивая в сторону выхода к такси.

Их вещи уже выгружали. Три чемодана: два — с бельём, книгами, предметами туалета. Никаких шифров, никаких тайников. Настоящий шпионский багаж — это не чемодан с двойным дном, а идеально продуманная легенда. Всё, что могло их выдать, хранилось только в памяти.

Они вышли на привокзальную площадь.

Берлин лежал перед ними — серый, монументальный, начиненный ритмом маршей и запахом угольного дыма. По Шарлоттенштрассе шла колонна гитлерюгенда: мальчишки в коричневых рубашках, с барабанами, чётко печатали шаг. Прохожие останавливались, вскидывали руки в нацистском приветствии.

Майкл тоже поднял руку. Айзек — мгновением позже.

— Привыкай, — тихо повторил Майкл, не поворачивая головы. — Мы теперь это делаем каждый день.

Такси — чёрный «мерседес» с шашечками — довёз их до пансиона на Линденштрассе. Пансион держала фрау Шмидт, вдова ветерана Великой войны, сухая женщина лет пятиде-

сяти с поджатыми губами и острым взглядом. Комнаты были скромные, но чистые: кровать, платяной шкаф, письменный стол, гравюра с видом Потсдама на стене.

— Документы, — потребовала фрау Шмидт.

Майкл протянул паспорт. Она изучала его долго — слишком долго, как показалось Айзеку. Потом перевела взгляд на Майкла.

— Фольксдойче из Риги?

— Так точно, — ответил Майкл.

— У вас акцент. Не сильный, но есть.

— Русская мать. Умерла, когда я был ребёнком.

Фрау Шмидт кивнула — скорее своим мыслям, чем ему.

— В Риге сейчас беспокойно, — сказала она. — Говорят, русские эмигранты устраивают беспорядки.

— Именно поэтому я здесь, — сказал Майкл. — Мне не по пути с большевиками.

Это был правильный ответ. Лицо фрау Шмидт смягчилось на долю миллиметра.

— Хорошо. Комнаты на третьем этаже. Завтрак в семь. Ужин в восемь. Гостей не водить. Женщин — тем более.

— Разумеется, — ответил Айзек, изображая смущение.
— Мы люди порядочные.

Фрау Шмидт окинула его взглядом, который ясно говорил: «Это мы ещё проверим».

Когда они поднялись в комнаты и закрыли двери, Айзек прислонился к стене и медленно выдохнул.

— Господи, — сказал он по-английски. — Она смотрела на меня так, будто я уже вишу на столбе.

— Она смотрит так на всех, — ответил Майкл. — Это не подозрительность. Это характер.

Он подошёл к окну, отдёрнул занавеску. Внизу, на улице, зажигались фонари. Сумерки опускались на Берлин, окрашивая город в сизые тона. Где-то далеко, в центре, горели прожектора — там, на Вильгельмштрассе, уже готовились к какому-то факельному шествию.

— Завтра утром, — сказал Майкл, не оборачиваясь, — я иду в управление СД на Принц-Альбрехт-штрассе. Подаю документы. Ты — в экономический отдел, к Мюллеру.

— Знаю, — кивнул Айзек. — Не опаздывай. Опоздания они не любят.

— Я никогда не опаздываю.

Айзек усмехнулся.

— Вот именно. Поэтому ты — гауптштурмфюрер, а я — скромный унтерштурмфюрер. Табель о рангах, Майкл, соблюдается даже в аду.

Майкл наконец обернулся. Лицо его было спокойным, но в глазах стояло что-то такое, что Айзек видел только раз — когда они хоронили отца Майкла в Лондоне.

— Это не ад, — сказал Майкл. — Пока. Ад начнётся позже. Мы здесь, чтобы этого не случилось.

— Или чтобы хотя бы успеть предупредить, — добавил Айзек. — Так, кажется, сказал сэр Бэзил?

Майкл не ответил. Он отвернулся к окну и долго смотрел на огни вечернего Берлина.

Утро пятнадцатого декабря 1934 года выдалось ясным и морозным.

Майкл вышел из пансиона ровно в восемь. Он был одет в штатское — тёмно-синий костюм, белая рубашка, галстук без узора. Выглядеть следовало так, как выглядит человек, который ещё не в форме, но уже принадлежит системе. Скромно, аккуратно, дисциплинированно.

Принц-Альбрехт-штрассе, 8. Бывшая школа прикладного искусства. Теперь — штаб-квартира СД, службы безопасности СС. Здание выглядело безобидно: серый фасад, аккуратные окна, никакой помпезности. Но Майкл знал: за этими стенами решаются судьбы тысяч людей.

У входа — двое часовых в чёрной форме. Молодые, лет по двадцать, с каменными лицами. Майкл предъявил документы. Часовой проверил их, сверился с каким-то списком, потом кивнул.

— Третий этаж, кабинет 312. Гауптштурмфюрер Шелленберг ожидает вас.

Шелленберг. Майкл знал это имя. Вальтер Шелленберг, двадцать пять лет, восходящая звезда СД. Юрист, интеллектуал, полиглот. Говорили, что именно он разработал систему проверки кадров для службы безопасности. Опасный человек.

Майкл поднялся по лестнице. На стенах — портреты фюрера, карта Германии, какие-то схемы. Коридор был пуст, только в конце, у окна, стоял ээсовец с папкой и курил. Майкл прошёл мимо, не замедляя шага.

Кабинет 312. Он постучал.

— Войдите, — голос из-за двери был молодой, спокойный.

Майкл вошёл.

Кабинет был небольшой, но обставленный со вкусом. Дубовый стол, книжный шкаф, на стене — фотография Гимmlера с дарственной надписью. За столом сидел человек в чёрной форме. Светлые волосы зачёсаны назад, лицо узкое, с тонкими чертами, глаза — внимательные, изучающие, но не враждебные. Он улыбался.

— Гауптштурмфюрер фон Адлер? — Шелленберг при-

встал, протянул руку. — Рад познакомиться. Я читал ваше дело. Присаживайтесь.

Майкл пожал руку. Рукопожатие у Шелленберга было твёрдое, но не демонстративное.

— Благодарю, штандартенфюрер.

— Просто Шелленберг, пока мы вдвоём, — он жестом указал на кресло напротив. — Сигарету?

— Не откажусь.

Шелленберг достал портсигар — серебряный, без гравировки. Они закурили. Несколько секунд прошли в молчании. Шелленберг, казалось, не торопился начинать разговор. Он разглядывал Майкла — спокойно, без давления, но цепко.

— Вы из Риги, — произнёс он наконец. — Я бывал там. Красивый город. Особенно старый квартал. Узкие улочки, ганзейская готика. Скучаете?

— Иногда, — ответил Майкл. — Но дом там, где служит партия.

Шелленберг кивнул, оценивая ответ.

— Ваше дело довольно интересно, — он взял со стола папку, раскрыл. — Фольксдойче. Отец — немец, аптекарь. Мать — русская дворянка. Вы говорите по-русски?

— Да. Мать учила.

— Пригодится, — Шелленберг сделал пометку. — Восточное направление — приоритет для Рейха. Скажите, фон Адлер... вы ненавидите большевиков?

— Большевики убили моего отца, — ответил Майкл ровно. — И мою родину. Мне есть за что их ненавидеть.

— Отлично. — Шелленберг затянулся сигаретой. — Потому что многие приходят к нам из карьерных соображений. А нам нужны люди с мотивацией. С настоящей.

Он отложил папку и посмотрел Майклу прямо в глаза.

— Я задам вам один вопрос, фон Адлер. Только один. Ответьте честно.

— Слушаю.

— Что для вас важнее: порядок или справедливость?

Пауза.

Майкл чувствовал, как сердце отсчитывает удары. Вопрос был ловушкой. Или тестом. Ответ «справедливость» означал бы, что он мягкотелый интеллигент. Ответ «порядок» — что он тупой солдафон. Нужно было нечто третье.

— Порядок, — сказал он медленно, — это единственная возможная форма справедливости. Без порядка справедливость превращается в хаос. А хаос — это то, что мы видели в восемнадцатом. Я не хочу этого снова.

Шелленберг молчал секунд пять. Потом улыбнулся. На этот раз улыбка была другой — не вежливой, а почти тёплой.

— Bravo. Это лучший ответ, который я слышал за последний год.

Он затушил сигарету в пепельнице.

— Хорошо. Вы приняты. Пока — с испытательным сроком, это стандартная процедура. Будете работать в отделе контрразведки. Ваш непосредственный начальник — оберштурмфюрер Хольц. Он... — Шелленберг замялся на мгновение, — несколько прямолинейный человек. Но исполни-

тельный. Рекомендую вам найти с ним общий язык.

— Постараюсь, — ответил Майкл.

— И ещё одно. — Шелленберг выдвинул ящик стола, достал какую-то бумагу. — Через неделю вы едете в Вевельсбург. Там сейчас формируется исследовательская группа по восточным языкам. Ваше знание русского будет полезно. Поедете вместе с другими офицерами. Ознакомитесь с работой «Аненербе». Это перспективное направление.

Майкл кивнул, стараясь не выдать волнения.

— Когда приступать?

— Сегодня. Получите форму в хозяйственном отделе, пройдите инструктаж у дежурного офицера. Завтра жду вас на совещании в восемь утра.

Шелленберг встал. Майкл поднялся следом.

— И ещё, фон Адлер... — Шелленберг обошёл стол, подошёл ближе. — Я ценю, когда офицеры говорят то, что думают. Не бойтесь высказывать мнение. В разумных пределах, разумеется.

— Я запомню.

— Идите.

Майкл вышел в коридор и только там позволил себе выдохнуть.

Первая проверка была пройдена.

Хозяйственный отдел находился в подвале.

Майкл спустился по лестнице, шаги гулко отдавались в бетонном колодце. Здесь, внизу, не было ни портретов, ни ковровых дорожек — только серые стены, лампы под проводными сетками и запах сырости, смешанный с ваксой и оружейной смазкой.

За длинным деревянным прилавком стоял унтер-офицер лет пятидесяти — грузный, с багровым лицом и седым ёжиком волос. Нашивки старого образца выдавали в нём ветерана ещё кайзеровской армии. Он мельком взглянул на предписание, которое протянул Майкл, и кивнул.

— Фон Адлер. Новенький. — Голос у него был скрипучий, как несмазанная дверь. — Сейчас подберём.

Он скрылся в глубине кладовой. Слышно было, как он ворчит что-то себе под нос, перебирая вешалки. Майкл ждал, облокотившись на прилавок. Со стен на него смотрели инструкции по уходу за обмундированием, таблица размеров и плакат «Чистота — обязанность солдата».

Через пять минут унтер-офицер вернулся с охапкой чёрной ткани.

— Китель. Брюки. Рубашка форменная — две штуки. Галстук чёрный. Сапоги. Фуражка. Ремень с пряжкой. Погонны — соответственно званию. — Он выложил всё на прилавок, как продавец в лавке. — Примерочная — за той дверью. Как наденете — покажитесь. Я должен убедиться, что сидит как влитое.

Майкл взял форму и зашёл в тесную каморку с мутным зеркалом на стене.

Он раздевался медленно. Снял штатский костюм, аккуратно повесил на крючок. Снял рубашку. В зеркале отразилось тело — поджарое, тренированное. Шрам на левом боку — ножевое ранение, полученное в Марселе три года назад во время операции по ликвидации двойного агента. Шрам на предплечье — пуля прошла по касательной в Стамбуле. Отметки его настоящей жизни, которые теперь придётся пря-

тать под чёрным сукном.

Он взял форменную рубашку. Ткань была плотной, чуть колючей. Застегнул пуговицы. Надел китель. Тот сел идеально — узкий в талии, подчёркивал плечи. Брюки с лампасами. Сапоги — чёрная кожа, высокое голенище. Он затянул ремень, надел фуражку.

И только потом позволил себе посмотреть в зеркало.

Из зеркала на него смотрел гауптштурмфюрер СС.

Это было другое лицо. Не Майкла Адамса. Не Михаила Авдеева. Макса фон Адлера — фольксдойче, нациста, офицера службы безопасности. Чёрная форма меняла всё: осанку, выражение глаз, даже, казалось, само дыхание. Мундир сидел как вторая кожа. Слишком хорошо сидел.

Майкл почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

Он знал эту форму. Знал, что она означает. В Лондоне он видел фотографии — штурмовики в коричневых рубашках, эсэсовцы в чёрном. Тогда это казалось далёким, почти нереальным. Теперь эта форма была на нём. И он должен был носить её так, будто гордится ею.

— Ну, что там? — раздался голос унтер-офицера из-за двери. — Уснули?

— Иду.

Майкл вышел из примерочной. Унтер-офицер окинул его профессиональным взглядом, обошёл вокруг, поправил складку на плече.

— Хорошо, — проворчал он. — Сидит как надо. Сразу видно — офицер, не штатская крыса. Распишитесь здесь.

Майкл поставил подпись — «М. фон Адлер», твёрдым, чётким почерком. Почерк он тоже тренировал: никаких завитушек, никакой русской кириллической округлости. Немецкая ясность.

— Оружие получать будете?

— Позже. Сначала — инструктаж.

— Дело ваше. — Унтер-офицер пожал плечами. — Следующий!

Дежурный офицер, проводивший инструктаж, оказался молодым оберштурмфюрером с фамилией Краузе и лицом

человека, который никогда в жизни не задавал лишних вопросов. Он говорил рублеными фразами, как будто зачитывал параграфы устава:

— Рабочий день начинается в восемь ноль-ноль. Окончание — по распоряжению начальника отдела. Опоздания не допускаются. Форма одежды — повседневная чёрная, в полевых условиях — серая. Обращение к старшим по званию — строго по уставу. Партийное приветствие обязательно при входе в кабинет начальника, при встрече с офицерами в звании штандартенфюрера и выше, а также на официальных мероприятиях.

— Ясно, — ответил Майкл.

— Политические занятия — два раза в неделю. Понедельник и четверг, с семнадцати до девятнадцати. Тема текущего месяца: «Расовая теория и её практическое применение». Посещение обязательно.

— Разумеется.

Краузе протянул ему стопку бумаг.

— Здесь — внутренние инструкции, схема здания, список телефонов отделов. Ознакомьтесь. Вопросы?

Вопросов у Майкла была масса, но задавать их он не соби­рался. По крайней мере, не сейчас. Он покачал головой.

— Тогда свободны. Завтра в восемь — совещание у штан­дартенфюрера Шелленберга.

Майкл вышел из кабинета. В коридоре он столкнулся с тем самым эсэсовцем, которого видел утром у окна. Теперь, при свете дня, он разглядел его нашивки: оберштурмфюрер. Лицо — широкое, с тяжёлой челюстью и маленькими, близ­ко посаженными глазами. На левой щеке — шрам от шрап­нели или дуэли. Взгляд — оценивающий, неприязненный.

— Вы, должно быть, новенький, — произнёс тот. — Фон Адлер?

— Так точно. Гауптштурмфюрер фон Адлер.

— Оберштурмфюрер Хольц. — Он не протянул руки. — Ваш непосредственный начальник. Наслышан.

— Надеюсь, только хорошее.

Хольц хмыкнул.

— Я не верю в хорошее, пока не проверю сам. — Он обошёл Майкла, разглядывая его форму с тем же выражением, с каким смотрят на лошадь перед покупкой. — Фольксдойче из Прибалтики. Русская мать. Говорят, вы хорошо говорите по-русски.

— Да.

— Это подозрительно.

Майкл выдержал паузу.

— Я бы сказал, это полезно, оберштурмфюрер. Врага нужно знать изнутри.

— Врага нужно уничтожать, — отрезал Хольц. — А не понимать. Понимание — первый шаг к сочувствию. А сочувствие — это слабость.

Он стоял слишком близко — на границе личного пространства. Так делают люди, которые привыкли подавлять. Майкл не отступил.

— Я не сочувствую большевикам, — сказал он ровно. — Я видел, что они сделали с моей семьёй.

— Это мы проверим. — Хольц наконец отвёл взгляд. —
Завтра. Жду вас в своём кабинете после совещания. Будет
разговор.

Он развернулся и пошёл по коридору, не прощаясь. Сапоги его гулко стучали по каменному полу.

Майкл проводил его взглядом. Хольц был опасен. Не умом — умом он явно не блистал. Опасен он был чутьём, тем самым животным чутьём, которое есть у бывших штурмовиков, прошедших уличные бои и пивные драки. Такие люди чувят фальшь не головой, а нутром. И если Хольц что-то учует — он не станет собирать доказательства. Он просто ударит.

Ладно. Это проблема завтрашнего дня.

Остаток дня Майкл провёл в своём новом кабинете — маленькой комнате на третьем этаже с видом во внутренний двор. Стол, два стула, шкаф для бумаг, телефон. На стене — портрет Гитлера. Окно выходило на глухую стену соседнего здания, но это было даже хорошо: меньше отвлекаешься.

Он разложил бумаги, изучил схему здания, запомнил расположение кабинетов. Отдел контрразведки занимал восточное крыло. Экономический отдел, куда должен был попасть

Айзек, находился этажом ниже. Связь с «Аненербе» шла через специальную канцелярию на втором этаже — туда Майклу пока доступа не было.

В шесть часов вечера он вышел из управления. Уже стемнело. На Принц-Альбрехт-штрассе горели фонари, их свет отражался в мокрой брусчатке. Прохожих было мало — только патруль СС прошёл мимо, чеканя шаг.

Майкл не сразу пошёл к пансиону. Он сделал крюк — сначала по Вильгельмштрассе, потом свернул в переулок, проверился. Хвоста не было. Тогда он зашёл в телефонную будку на углу, набрал номер.

Три гу

— Алло? — голос Айзека.

— Это я. Всё прошло нормально. Завтра начинаю.

— У меня тоже. Мюллер — та ещё крыса. Всё выспрашивал про Данциг, про банк, в котором я якобы работал. Но документы выдержали.

— Хорошо. Встретимся в пансионе. Не раньше восьми.

— Понял. И, Майкл...

— Да?

— Поздравляю с первым днём в аду.

Майкл повесил трубку, не ответив.

Он стоял в будке ещё с минуту, глядя сквозь запотевшее стекло на огни вечернего Берлина. Город жил своей жизнью: где-то играла музыка, где-то смеялись люди, где-то маршировали колонны. Всё смешалось: праздник и угроза, жизнь и смерть. Он носил форму тех, кто нёс смерть. И он должен был выглядеть так, будто это — его праздник.

В будке пахло дешёвым табаком и карболкой. Майкл достал сигарету, закурил. Рука не дрожала. Это была хорошая новость. Плохая новость заключалась в том, что внутри у него всё дрожало — но этого никто не видел. А значит, этого не существовало.

Он бросил окурочок в урну и вышел из будки.

Пора было возвращаться.

Они встретились в пансионе, как договаривались, в начале девятого.

Фрау Шмидт уже накрыла ужин — жидкий суп, варёный картофель, сосиски. В столовой пахло капустой и воском. За соседним столом сидел ещё один постоялец — пожилой коммерсант из Гамбурга, который ел молча, уткнувшись в газету «Фёлькишер Беобахтер». Передовица кричала заголовком: «Фюрер требует возврата колоний».

Майкл и Айзек переглянулись через стол. За ужином они обменялись только бытовыми фразами — стены пансиона были тонкими, а фрау Шмидт — любопытной. Когда она вышла на кухню, Айзек наклонился к Майклу и прошептал:

— После ужина. Прогуляемся.

Майкл кивнул.

В девять они вышли на улицу. Мороз усилился, ветер гнал по мостовой сухие листья. Они шли медленно, закутавшись в пальто, двое ничем не примечательных мужчин среди вечерней толпы.

— Рассказывай, — сказал Айзек. — Подробно.

Майкл рассказал. Про Шелленберга, про его вопрос о порядке и справедливости, про испытательный срок, про по-

ездку в Вевельсбург. Про Хольца — особенно подробно.

Айзек слушал, не перебивая. Когда Майкл закончил, он долго молчал, пиная носком ботинка камешек.

— Значит, Вевельсбург, — произнёс он наконец. — Уже через неделю. Это быстрее, чем мы рассчитывали.

— Слишком быстро, — согласился Майкл. — Это может быть ловушка.

— Или удача. Ты же сам говорил: нам нужно попасть внутрь «Аненербе». Вот оно, приглашение. Считай, что тебя позвали на экскурсию.

— В клетку к тиграм тоже зовут на экскурсию.

Они свернули на Фридрихштрассе. Здесь было оживлённее: горели витрины магазинов, у входа в кинотеатр толпились люди, из дверей пивной доносился смех и звон кружек. Нормальная жизнь. Но за каждым углом стояли штурмовики с повязками, и смех обрывался, стоило им войти.

— Хольц — это проблема, — сказал Айзек. — Что ты о нём думаешь?

— Думаю, что он будет копать. Не потому что подозревает конкретно меня. Он всех подозревает. Это его природа. Старая гвардия, «пивной путч», уличные бои. Он ненавидит «аристократов» из СД, таких, как Шелленберг. А я — фольксдойче с дворянской матерью. Для него я — дважды враг.

— Значит, нужно, чтобы он ничего не нашёл.

— Он ничего не найдёт, — сказал Майкл. — Но он может что-нибудь придумать.

Айзек кивнул. Он знал, как работает система. Если Хольц захочет убрать Майкла, доказательства не понадобятся — достаточно будет доноса. А донос в Третьем Рейхе был валютой более ходовой, чем рейхсмарка.

— Ладно, — сказал Айзек. — Оставим Хольца. У меня тоже новости.

Он остановился, достал из внутреннего кармана сложенный листок бумаги.

— Я сегодня просматривал ведомости поставок за прошлый месяц. Экономический отдел снабжает «Аненербе» по отдельной статье. И знаешь, что интересно?

— Что?

— Среди прочего они заказали четыре прецизионных станка из Швейцарии. Фирма «Дюбуа и сыновья». Это маленькая контора, но с очень хорошей репутацией. Они делают оборудование для часовой промышленности. А знаешь, что ещё можно делать на станках для часовой промышленности?

Майкл остановился. Ответ был очевиден.

— Шифровальные машины.

— Именно. — Айзек сложил листок и убрал обратно. — И это не просто станки. Это оборудование для изготовления роторов. Тех самых, что используются в «Энигме». Наша разведка уже сталкивалась с «Энигмой». Польские коллеги расшифровали раннюю версию. Но если они делают новую, более сложную...

— То через год-два вермахт получит систему связи, которую мы не сможем взломать.

— Вот именно.

Они снова двинулись вперёд. Молчание было долгим. Оба понимали, что это значит. Речь шла не о ритуалах, не о раскопках, не об оккультных фантазиях Гиммлера. Речь шла о войне. О настоящей, большой войне, которая начнётся не завтра, не через месяц, но начнётся обязательно. И тот, кто контролирует связь, контролирует победу.

— В Вевельсбурге, — сказал Майкл, — мне нужно будет найти документацию. Не по станкам — станки в Швейцарии. Мне нужны чертежи. Спецификации. Что-то, что можно передать в Лондон.

— Или сфотографировать. У тебя есть «Минокс»?

— Нет. Слишком рискованно везти с собой. Если найдут при досмотре — конец. Мне нужно будет найти что-то на месте. Или запомнить.

— Запомнить чертежи?

— Я тренировался, — сказал Майкл. — У Форсайта была система. Мнемонические карты, ассоциативные цепочки. Это сложно, но возможно.

Айзек покачал головой.

— Иногда мне кажется, что ты не совсем человек, Майкл. Слишком много всего в твоей голове.

— Я просто хорошо учусь.

— Нет. — Айзек остановился, заставив Майкла обернуться. — Ты не учишься. Ты выживаешь. И делаешь это лучше всех, кого я знаю. Но помни: даже у тебя есть предел.

Майкл не ответил.

Они дошли до конца Фридрихштрассе. Перед ними, за железнодорожным мостом, темнел Анхальтский вокзал — тот самый, куда они прибыли только вчера. Казалось, с тех пор прошла неделя.

— Завтра у нас явка, — сказал Майкл. — Кофейня «Моцарт», у восточного входа в Тиргартен. Там нас будет ждать связной.

— Кто?

— Не знаю. Сэр Бэзил сказал: «Вы узнаете её по красному шарфу».

— Её? — Айзек приподнял бровь. — Женщина?

— Видимо.

— Прекрасно. — Айзек усмехнулся. — Женщина с красным шарфом в центре Берлина. Совершенно незаметно. Сэр Бэзил определённо романтик.

Майкл не разделял его веселья. Он знал, что женщина-связной — это двойной риск. Во-первых, женщину легче заподозрить: гестапо считало, что прекрасный пол слишком эмоционален для подпольной работы, и потому присматривалось к женщинам особенно внимательно. Во-вторых... во-вторых, Майкл не любил втягивать женщин в такие дела. Это было его слабостью, он знал. Но ничего не мог с собой поделать.

Они повернули обратно. Разговор перешёл на бытовые мелочи — расписание дежурств, расположение кабинетов, имена коллег. Айзек рассказал о Генрихе Мюллере, своём начальнике: тот оказался ещё опаснее, чем они думали. Дотошный, подозрительный, с феноменальной памятью на цифры. «Он помнит каждую сумму, которая проходит через отдел», — сказал Айзек. — «С точностью до пфеннига. Если я ошибусь хоть раз — он запомнит».

— Не ошибайся, — сказал Майкл.

— Я и не ошибаюсь. Я для того и учился в Оксфорде.

Они дошли до пансиона. Свет в окнах ещё горел. У дверей, прощаясь, Айзек вдруг задержал Майкла за рукав.

— Майкл... Миша. — Он редко называл его настоящим именем, и это всегда означало: разговор пойдёт серьёзный. — Ты понимаешь, что мы ввязались в такое, откуда нет выхода?

— Понимаю.

— И ты готов?

Майкл посмотрел на него. В тусклом свете уличного фонаря лицо Айзека казалось осунувшимся, старше своих лет. У него была семья в Варшаве. Ему было что терять.

— Я готов, — сказал Майкл. — А ты?

Айзек помолчал.

— У меня нет выбора, — ответил он наконец. — Понимаешь? Выбора нет. Я не могу сидеть в Лондоне, читать газеты и делать вид, что это происходит не с моим народом. Лучше

умереть здесь, чем смотреть со стороны.

— Ты не умрёшь, — сказал Майкл. — Мы выживем.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что это правда.

Они разошлись по комнатам.

Следующее утро выдалось таким же ясным и морозным.

В восемь часов Майкл уже сидел в кабинете Шелленберга вместе с другими офицерами. Совещание было коротким: обсуждали график дежурств, сводку о деятельности коммунистического подполья в Руре, планы предстоящих арестов. Майкл сидел в углу, слушал, запоминал лица. Хольц дважды бросал на него взгляд — быстрый, как удар хлыста.

После совещания Майкл отправился в свой кабинет, но по дороге его перехватил Шелленберг.

— Фон Адлер, на минуту.

Они отошли к окну.

— Я вчера навёл справки о вашей семье, — сказал Шелленберг. — Всё подтвердилось. Ваш отец действительно держал аптеку в Риге. Мы даже нашли человека, который помнит его. Некто Бауэр, фармацевт. Он сейчас живёт в Кёнигсберге.

Майкл почувствовал, как внутри у него всё похолодело. Этого человека в легенде не было. Айзек не упоминал никакого Бауэра. Это могло быть правдой — или проверкой.

— Я не помню такого имени, — сказал он спокойно. — Но я был мал, когда мы покинули Ригу.

— Разумеется. — Шелленберг кивнул. — В любом случае, я рад, что ваша биография подтверждается. Знаете, сейчас многие пытаются проникнуть в партию с фальшивыми документами. Враги повсюду.

— Понимаю, штандартенфюрер.

— Хорошего дня, фон Адлер.

Он ушёл, а Майкл ещё с минуту стоял у окна, глядя на заснеженный двор. Сердце колотилось где-то в горле. Бауэр. Нужно будет сказать Айзеку. Если это проверка — они должны быть готовы. Если это реальный человек — тем бо-

лее.

Но сейчас его ждала кофейня «Моцарт». И женщина с красным шарфом.

Кофейня находилась в десяти минутах ходьбы от Бранденбургских ворот, на тихой улочке, уходящей в сторону Тиргартена. Это было старое заведение с тёмными дубовыми панелями, медными светильниками и запахом свежемолотого кофе. В углу тихо играло радио — передавали Вагнера.

Майкл вошёл ровно в полдень. За столиками сидели несколько человек: пожилая пара, офицер вермахта с газетой, какой-то студент с тетрадами. Женщины с красным шарфом не было.

Он сел за столик у окна, заказал кофе, раскрыл «Фёлькишер Беобахтер». Ждал.

Прошло десять минут. Пятнадцать. Майкл начинал нервничать. В этом городе опоздание могло означать что угодно — от обычной задержки до ареста и провала всей сети.

Он уже собирался уходить, когда дверь открылась.

Вошла женщина.

Высокая, стройная, в сером пальто с меховым воротником. Лицо — тонкое, с правильными чертами, какие печатали на пропагандистских плакатах «Истинной немецкой женщины». Идеальная нордическая красота. Но глаза — серые, внимательные — были не плакатные. Они были живые. Опасные. Умные.

И на шее у неё был красный шарф.

Она обвела зал взглядом, задержалась на Майкле. Подошла.

— Здесь свободно?

— Да, пожалуйста. — Майкл отложил газету. — Фройляйн...?

— Штайн. Анна Штайн. — Она села, положила сумочку на колени, поправила шарф. — А вы, полагаю, герр фон Адлер?

— Он самый.

Между ними повисла пауза — короткая, но насыщенная. Они разглядывали друг друга, как два боксёра перед боем:

оценивали, прикидывали, искали слабые места.

— Я закажу кофе, — сказала Анна. — А потом мы поговорим. Но сначала... — Она огляделась, убедилась, что на них никто не смотрит, и наклонилась чуть вперёд. — Сначала скажите мне пароль.

— В Лондоне дождь, — произнёс Майкл.

— А в Берлине — снег, — закончила она.

И впервые за время их встречи улыбнулась. Улыбка была короткой, как вспышка, но она меняла лицо. Делала его человечным.

— Хорошо, — сказала Анна. — Теперь мы можем говорить.

Они говорили недолго — нельзя было привлекать внимание. Анна излагала быстро, чётко, без эмоций. Она работала в отделе архитектурного планирования Рейхсканцелярии, имела доступ к сметам и планам застройки. «Аненербе» проходило по её ведомству — Гиммлер затеял реконструкцию Вевельсбурга, превращая его в «идеологический центр СС». Архитектурный отдел занимался чертежами.

— У вас есть доступ к планам замка? — спросил Майкл.

— Частично. Подвалы и новые пристройки засекречены. Но я знаю, где они хранятся. И знаю, кто отвечает за их сохранность.

— Кто?

— Оберштурмфюрер Дитер Хольц.

У Майкла дёрнулась жилка на щеке.

— Хольц, — повторил он. — Мой новый начальник.

— Я знаю. — Анна помешала кофе. — Именно поэтому меня и прислали. Вы не должны контактировать с Хольцем напрямую по вопросам «Аненербе». Он слишком подозрителен. Всю информацию о нём и его связях вы будете получать через меня.

— Это опасно. Для вас.

— Мне не привыкать. — Она посмотрела ему в глаза. — Мой отец был членом СДПГ. Социал-демократом. В тридцать четвёртом, после «Ночи длинных ножей», его арестовали и расстреляли без суда. Я знаю, чем рискую.

Майкл выдержал её взгляд.

— Соболезную, — сказал он. — Я потерял отца тоже.

— Я знаю. Я читала ваше дело. — Анна чуть заметно усмехнулась. — Точнее, дело фон Адлера. Очень убедительно.

— Спасибо. Айзек старался.

— Айзек?

— Мой коллега. Унтерштурмфюрер Мейер. Он в экономическом отделе.

— Я с ним свяжусь отдельно, — кивнула Анна. — А теперь — к делу. Через неделю вы едете в Вевельсбург. Я буду там же. Меня командируют для составления сметы на новые строительные работы. Там я передам вам план замка и список интересующих нас помещений. Ваша задача — проникнуть в архив и найти документацию по «Проекту Туман».

— «Туман»?

— Это кодовое название. Я не знаю, что оно означает.

Знаю только, что на этот проект уходят огромные средства и что им занимается лично рейхсфюрер Гиммлер.

Майкл кивнул.

— В Вевельсбурге я буду не один. Хольц тоже едет.

— Знаю. Поэтому будьте осторожны. Хольц — не просто охранник. Он — палач. Он убивал людей ещё в двадцать третьем, во время уличных боёв. У него чутьё на чужаков.

— Мне уже говорили.

Анна допила кофе и поднялась.

— Мне пора. Если что-то срочное — в архитектурном отделе есть телефон. Попросите фройляйн Штайн. Я работаю на третьем этаже. Но звоните только в крайнем случае.

— Понимаю.

Она надела перчатки, поправила шарф.

— До встречи в Вевельсбурге, герр фон Адлер.

— До встречи, фройляйн Штайн.

Она ушла. Дверь закрылась, звякнул колокольчик. Майкл остался один за столиком с остывшим кофе и газетой.

Он смотрел в окно. Анна переходила улицу — прямая спина, чёткий шаг, красный шарф развевается на ветру. Идеальная немецкая женщина. Идеальный враг Рейха. Интересно, подумал он, сколько ещё таких ходит по Берлину? Сколько людей под маской верности прячут ненависть? Скольких он сможет найти, прежде чем найдут его?

Майкл оставил на столе монеты, поднялся и вышел.

Снег снова пошёл. Крупные хлопья кружились в воздухе, оседали на чёрную форму, на фуражку, на мостовую. Берлин становился белым — как будто пытался скрыть свою черноту под снежным саваном.

Майкл пошёл обратно к управлению. На углу он остановился, пропуская колонну гитлерюгенда. Мальчишки шагали с барабанами, выкрикивая лозунги. Он посторонился, уступая им дорогу. Рука сама собой взметнулась в приветствии.

— Хайль Гитлер, — произнёс он вместе с толпой.

Слова были как пепел на языке.

Глава 2. Чёрный орден

Выехали затемно.

Берлин ещё спал, укрытый предрассветной синевой, когда чёрный «Хорьх» с эсэсовскими номерами выехал с Принц-Альбрехт-штрассе и покатил на запад. За рулём сидел молодой шарфюрер по фамилии Вайс — молчаливый, исполнительный, из тех, кто не задаёт вопросов и не заводит разговоров. Майкл сидел на заднем сиденье, рядом с Хольцем. Третий пассажир, гауптштурмфюрер Крамер из отдела кадров, разместился впереди и почти сразу заснул, привалившись головой к стеклу.

Хольц не спал. Он вообще, казалось, никогда не спал — слишком много в нём было какой-то мутной, беспокойной энергии. Он сидел, выпрямившись, положив руки на колени, и смотрел в окно на проплывающие мимо окраины. За окнами тянулись серые корпуса заводов, потом — пригороды с аккуратными домиками, потом — поля, укрытые декабрьским снегом.

Молчание длилось уже час. Майкл знал, что это молчание — часть игры. Хольц проверял его выдержку. Тот, кто заго-

ворит первым, проявит слабость.

Майкл не заговаривал. Он тоже смотрел в окно и думал об Анне.

С тех пор, как они встретились в кофейне, прошло пять дней. Пять дней рутинной работы: совещания, сводки, допросы мелких нарушителей. Ничего серьёзного. Хольц пока не давал ему важных поручений — присматривался. Шелленберг, напротив, был сама любезность: дважды приглашал на обед, расспрашивал о Риге, о русской литературе, о впечатлениях от Берлина. Опасный человек. Майкл понимал, что каждый такой разговор — это допрос, только в мягкой форме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.